

Дидикин А. Б.,
научный сотрудник Института
философии и права СО РАН,
заместитель заведующего кафедрой
правоведения Новосибирского
национального исследовательского
государственного университета,
кандидат юридических наук

«ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ»: АНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО НАТУРАЛИЗМА

Досліджено концептуальні засади та положення аналітичних концепцій природного права, які становлять зміст сучасного правового натуралізму. Розглянуто критичні аргументи і дискусії в правовому натуралізмі щодо правового неопозитивізму та способів пізнання правової реальності.

Ключові слова: процедурне природне право, правова норма, загальне благо, цінності, правова реальність, правопізнання, Л. Л. Фуллер, Дж. Фінніс.

Исследованы концептуальные основания и положения аналитических концепций естественного права, составляющих содержание современного правового натурализма. Рассмотрены критические аргументы и дискуссии в правовом натурализме относительно правового неопозитивизма и способов познания правовой реальности.

Ключевые слова: процедурное естественное право, правовая норма, общее благо, ценности, правовая реальность, правопознание, Л. Л. Фуллер, Дж. Финнис.

The paper contains the study of conceptual grounds and the provisions of the analytical concepts of natural law, which includes to the content of modern legal naturalism. Critical arguments and discussions in the legal naturalism concerning the new legal positivism and the ways of knowledge of the legal reality are considered.

Keywords: procedural natural law, legal rule, the common good, values, legal reality, legal epistemology, L. L. Fuller, J. Finnis.

Одной из главных тенденций в философии права второй половины XX в. является возникновение новых форм правового натурализма как реакции на теоретические и методологические установки юридического неопозитивизма [1, с. 21–39]. Специфика взаимодействия натурализма и позитивизма обусловлена, прежде всего, различиями в концептуальном осмыслении общих

условий «юридической действительности» правовых норм [2, с. 55–67]. Понимание права как нормативного регулятора человеческого поведения неизбежно ставит вопрос и о разграничении права и морали как стандартов поведения. В этом смысле для позитивизма характерно признание в качестве условий «юридической действительности» определенных социальных фактов, а в натурализме – морального содержания правовых норм [3, с. 124–135].

Однако натурализм представляет собой особый способ философского мышления, имеющий длительную историю и направленный на обоснование моральной природы юридических установлений, источником которых выступают идеалы и принципы естественного права. В античной философии *естественное право* рассматривается как проявление *законов природы* (софисты, Платон, Аристотель), а в философии Нового времени – в качестве проявления *законов разума и разумной природы человека* (Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза) [4, с. 179–190]. В настоящее время термином «концептуальный натурализм» обозначаются *современные естественно-правовые концепции аналитической философии права*, в которых естественное право осмысливается в виде *имманентной и фундаментальной характеристики позитивной правовой системы*.

Теоретики *концептуального натурализма* в своей критике неопозитивистских представлений о праве сохраняют следующие основные постулаты натурализма:

- существуют объективно заданные моральные нормы и принципы, лежащие в основе миропорядка и познаваемые человеческим разумом;
- естественное право – юридическая форма определенных моральных стандартов и нормативный миропорядок;
- индивид обладает совокупностью естественных и неотчуждаемых прав, существование которых предшествует воздействию норм позитивного права;
- позитивное право должно соответствовать идеальным принципам естественного права; отсюда построение натуралистской аргументации на основе принципа *lex injusta non est lex* («несправедливые законы не создают моральных обязательств») [5, с. 15–18].

Для натуралистов характерна критика неопозитивистской стратегии разграничения права и морали, «сущего» и «должного» в праве [6, с. 16–19]. Как отмечает Б. Бикс, концептуальные натуралисты рассматривают право как телеологическое понятие и средство построения справедливого общества, то есть отрицают дескриптивный и морально нейтральный подход неопозитивистов [7, с. 21]. В этом смысле Фуллер один из первых представил критические аргументы против юридического позитивизма:

- право – не статичный объект исследования, а процесс, подлежащий функциональному анализу;
- познание права невозможно вне морального контекста;
- представление о праве как совокупности властных предписаний неверно, ибо право обеспечивает сотрудничество между должностными лицами и гражданами.

Но особенность методологического подхода Фуллера состоит в понимании цели юридического знания. Правовая теория направлена на познание того, каким образом реализуются «человеческие силы» и не может быть дескриптивной теорией, поскольку право не похоже на образцы эмпирических данных в естествознании. Таким образом, целью большинства современных концепций естественного права является поиск оптимального взаимодействия правовых норм с фундаментальными правовыми принципами и юридическими процедурами (Фуллер) и «общим благом» политического сообщества (Финнис).

Необходимо отметить, что хотя количество литературы относительно работ Фуллера весьма велико [8], но при этом значительно меньше, чем относительно работ Харта. Более того, положение Фуллера в этой области иногда определяется исключительно его ролью как оппонента Харта [9]. Как выразился редактор Фуллера К. Уинстон: «из-за его страстной защиты теории скромного “светского естественного права”, работы Фуллера по юриспруденции среди академического сообщества приобрели неприятную известность» [10]. Фуллер в Гарварде замещал должность ведущего профессора общей юриспруденции и занимался исследованием морали права и справедливости [11, с. 124–159].

Фуллер в своей книге «Мораль права» по поводу критики правового неопозитивизма Харта отметит, что «спор начался, когда профессор Харт издал свою Холмсовскую лекцию, прочитанную в Гарвардской школе права в апреле 1957 г. В этой лекции он предпринял попытку защитить правовой позитивизм от критики, высказанной мной и некоторыми другими авторами. Первой попыткой контрудара стал мой критический комментарий на эту лекцию (речь идёт о «Positivism and Fidelity to Law - A Reply to Professor Hart»). Третий раунд был отмечен публикацией книги Харта «Понятие права», четвёртый раунд состоялся в выходе первого издания книги «Мораль права», а пятый раунд состоялся, когда Харт опубликовал свою рецензию» [12, с. 223–224].

Благодаря влиянию Харта на Фуллера и перемещению аналитической методологии в область юриспруденции, деление типов правопонимания на легистское и естественно-правовое утрачивает свою актуальность. В англо-американской философии права с 50-х годов XX века появляется новое интегративное понятие, объединяющее все существующие теоретико-правовые течения в одно целое – в аналитическую юриспруденцию.

В то же время «процедурный натурализм» Фуллера представляет собой попытку построения естественно-правовой теории на основе юридического формализма и обоснования ценностной нагруженности правовых норм. Однако объектом исследования в его концепции является не правовая норма, а правоотношение как совокупность юридических процессов и процедур по реализации норм права. Сфера правоотношений достаточно широка и включает в себя отношения, возникающие на основе обычаев, договоров, судебных, административных и управленческих решений, и регулируемых нормами статутного права (законодательства). В этом смысле юридическая сила правовой нормы зависит не столько от легитимности законодателя и соблюдения процедур законотворчества, сколько от внутреннего содержания нормы.

Нормы права имеют целевой и инструментальный характер, который проявляется в процессе правоприменения. Данное положение Фуллера базируется на его философско-методологических представлениях. Фуллер полагает, что любая интерпретация событий предполагает выявление в результатах наблюдения единства целевого, фактического и ценностного содержания. Нет необходимости разделять сферы фактов и ценностей, поскольку понимание события всегда включает в себя оценку с позиции ценностей: ««факт» события может быть понят только при способности оценить, чтобы знать происшедшее» [13, с. 699]. Отсюда следует, что право может и должно быть понято из самого себя с точки зрения целей и средств правового регулирования отношений в обществе. В этом случае норма права должна содержать определенную цель («должное») и определять средства ее достижения. Таким образом, право представляет собой целевую деятельность, направленную на подчинение людей руководству и контролю с помощью общих правовых норм. Например, целью конституционного права является закрепление основных организационных принципов построения системы государственной власти на определенной территории. Фуллер полагает, что именно в конституционном праве воплощены глобальные цели и ценности правовой системы, ссылаясь на положения американской конституционной доктрины о принципах демократии и «господства права», должных правовых процедурах, разделении властей и т.д. Фиксация целей и средств, а также соблюдение правовых процедур способствует признанию нормы правовой. В данном случае нормы законодательства должны соответствовать следующим процедурным правилам: общий характер предписаний правовой нормы, официальное опубликование, отсутствие обратной силы, ясность, непротиворечивость, стабильность, возможность исполнения, соответствие правоприменения содержанию целей и средств правовой нормы. Соблюдение данных правил создает режим «процедурной законности», в рамках которого процедурные правила налагают ограничения на осуществление политических целей государством, в том числе на основе закона. В частности, правило об официальном опубликовании законов предполагает, что и государство следует этому правилу; закон тем самым становится обязательным для государственных органов. Фактически в данном пункте представлена критика различных концепций юридического позитивизма, в которых обосновывается «тезис разделения» – права и морали.

Фуллер полагает, что категории «цель» и «средство» характеризуют взаимодействие процессов управляемости и приспособляемости в обществе. Тем самым целевой и инструментальный характер правовых норм способствует *реализации* моделей «должного» развития правовых отношений в фактических социальных отношениях, то есть, нет существенных различий между «сущим» и «должным» в правовой сфере. Правовая система представляет собой взаимодействие процессов правотворчества и правоприменения, в которых проявляется «внутренняя моральность» права [14, с. 704]. В этом смысле на основе процедурного подхода Фуллер обосновывает взаимосвязь юридических форм морали (естественного права) и «процедурной законности».

Прежде всего, он проводит различие между «моралью обязанности» и «моралью стремления». Мораль обязанности предполагает наличие минимальных требований, необходимых для обеспечения социального порядка, за несоблюдение которых субъект подлежит наказаниям. Мораль стремления характеризует меняющиеся общественные идеалы о хорошей и успешной жизни, о полной реализации человеческих сил [15, с. 90]. В этом смысле внутренняя моральность права в большей степени мораль стремления, но не менее важным условием является осуществление принципа законности, который отождествляется Фуллером с эффективностью действия законов и легитимностью власти. В данном случае легитимность – это моральное право на осуществление власти, а эффективность – результат действия легитимного государственного принуждения. С точки зрения процедурного подхода Фуллера именно режим процедурной законности позволяет превратить моральные ценности в правовые принципы и правила, а соответствие деятельности правовых институтов принципу законности гарантирует в определенной степени реализацию «внутренней моральности» права [16, с. 309]. То есть, нарушая правовые принципы и нормы, государство неизбежно утрачивает легитимность.

Специфика естественно-правовой концепции Фуллера состоит в том, что естественное право имманентно позитивной правовой системе, оно характеризует разумность в правовом порядке и внешне проявляется в правовых принципах и процедурах. Однако очевидны недостатки его концепции. Реализация принципа законности может свидетельствовать лишь об эффективности законодательства и не иметь никакого отношения к морали. Кроме того, Фуллер смешивает политическую эффективность и эффективность права как регулятора социальных отношений. Ведь государство может эффективно добиваться поставленных целей с нарушением и правовых норм и моральных стандартов (нацистская Германия). В этом смысле процедурный подход абстрагируется от содержательных характеристик естественного права как ключевой категории в правовом натурализме. Этот недостаток попытается устранить в концепции «материального естественного права» Финнис [17, с. 56–57].

Финнис строит свою концепцию на иных методологических основаниях. Раскрывая содержание понятия «естественное право», он формулирует принципы практической рациональности, которые позволяют более четко сформулировать цели и средства правового регулирования, а также обосновать идею «общего блага» в политическом сообществе [18, с. 43–46]. Естественное право представляет собой «совокупность основных практических принципов, которые определяют основные формы человеческого процветания как благ полученных и реализованных» [19, с. 23]. Тем самым естественно-правовая теория определяет перечень основных благ и направляет людей к более эффективному удовлетворению потребностей в основных благах. Практические принципы в данном случае информируют о возможностях участия в обеспечении основных благ, а практическая рациональность позволяет определить, какие действия являются действительным участием в обеспечении одного или более основных благ. Отсюда

следует, что общие моральные стандарты формулируются исходя из понимания природы практической рациональности и сущности основных благ. Финнис допускает различие мнений по поводу морального обоснования человеческих действий, поскольку признает «сферу гибкости» в способах получения основных благ, допускает неясность моральных рассуждений и связанное с этим несогласие о сложных моральных проблемах. Тем не менее, он настаивает на универсальной трактовке перечня основных благ и требований практической рациональности.

Существует семь основных благ, в получении которых заинтересован каждый член общества: жизнь, знание, игра, эстетический опыт, социальность (дружба, общение), практическая рациональность и религия [19, с. 65]. В трактовке знания как блага Дж. Финнис фактически выступает против процедурного подхода Л. Фуллера (знание как средство достижения целей), считая знание самоценным, а получение знания самоочевидным.

Финнис ссылается на самоочевидность перечня основных благ, которые могут быть реализованы всеми людьми. Общее благо при этом складывается из «целостного ансамбля материальных и иных условий», включает в себя и сохранение определенных общественных институтов (например, института брака), моральную среду, необходимые для процветания людей. В этом смысле Финнис дает инструментальную трактовку общего блага как средства обеспечения людей конкретными «основными благами» [20, р. 139]. В то же время ни одно из семи основных благ не может быть аналитически сведено к другим благам и не может служить средством получения других основных благ. Перечень основных благ не зависит от моральной оценки этих благ.

В концепции Финниса подчеркивается различие между онтологическим и эпистемологическим аспектами естественно-правовой теории. Онтологический аспект состоит лишь в указании на самоочевидность и сущность основных благ, а практическая рациональность при применении к основным благам формулирует и обобщает моральные правила правила [21, с. 197]. В этом смысле практическая рациональность выступает и одним из основных благ, и средством получения других благ, что противоречит исходным положениям концепции Финниса. Тем не менее, практическая рациональность включает в себя следующие методологические требования: формулировка рационального плана жизни (с сохранением ценности всех основных благ); недопустимость переоценки тех или иных основных благ; «золотое правило» нравственности; беспристрастность; не быть равнодушным к другим людям; участие в обеспечении общего блага через эффективность собственных действий по реализации основных благ (утилитаризм и консеквенциализм в данном случае иррациональны, по мнению Финниса); недопустимость поддержки действий против одного или более основных благ; признание общего блага и участие в его обеспечении для себя и для других; осознанность действий. Указанные методологические правила рациональности образуют моральные стандарты поведения. В концепции Финниса проявляется и влияние этики Канта. В частности, обосновывая способы

рациональных действий, Финнис полагает, что любой осознанный выбор должен соотноситься с волей всех людей. В этом смысле справедливое действие – это действие, которое не ограничивает отношение другого к основным благам [22, с. 137].

Другой аспект его теории – критика постулатов классического натурализма, в котором дается оценка позитивных законов в соответствии с принципом *lex injusta non est lex*. Несправедливый закон, по мнению Финниса, *всегда* является юридически действительным и действующим, если введен в действие с соблюдением формальных процедур, но не может дать *морального* обоснования государственному принуждению, а значит, не обладает *полностью* обязательной силой. В этом смысле несправедливый закон в процессе правоприменения не реализует социальные цели, связанные с обеспечением общего блага в обществе.

Таким образом, естественно-правовой подход Финниса оставляет неизменными отдельные положения правового позитивизма и, в некоторой степени, тезис разделения права и морали. В его концепции юридическое объяснение является скорее техническим, чем моральным способом обоснования суждений. Поэтому источником юридического вывода остаются нормы законов (статутные правила общего права). А требования практической рациональности образуют основу «естественно-правового метода» как способа дедуктивного выведения естественно-правовых (моральных) норм из «прото-моральных» принципов естественного права [19, с. 103]. То есть естественно-правовой метод Финниса относится в большей степени к сфере моральной философии, а традиционные позитивистские методы – к сфере философии права. В этом смысле остаются нерешенными проблема соотношения правовых и моральных предписаний, а также вопрос о роли права и правовых институтов в регулировании деятельности по реализации общего блага.

В 80-е гг. XX в. концептуальный натурализм подвергается критике не только в неопозитивизме, но и в правовом реализме из-за необоснованности и отсутствия эмпирического подтверждения множества исходных положений. В это время наблюдается постепенный переход от натурализма к реализму в интерпретации ключевых философско-правовых проблем, развитие методологических исследований в свете «лингвистического поворота» в философии права. Особенности такого перехода, являются инструментальная трактовка права как средства социального контроля и достижения социально значимых целей, апелляция к судебной практике как источнику эмпирического подтверждения формулируемых утверждений, анализ процедур интерпретации правовых норм и процесса принятия судебных решений.

Специфика перехода от натурализма к реализму в трактовке философско-правовой проблематики проявляется в концепции «конструктивной интерпретации» Дворкина, в которой представлена критика традиционных философских представлений о праве и справедливости, об аксиологических основаниях либеральной модели общественного устройства. Кроме того, в публикациях Дворкина представлены критические аргументы против политического утилитаризма, неопозитивизма и естественно-правовых концепций («натурализма») в

філософії права. Тем самым в его понимании либеральной доктрины преобладает идея активной роли судебной власти и «реалистская» интерпретация политико-правовой реальности [23, с. 131–138].

Согласно юридическому позитивизму, отмечает Дворкин, «истинность суждений права определяется только фактами относительно норм, принятых особыми социальными институтами, и ничем иным» [24, с. 5]. Утилитаризм в правовой системе проявляется в том, что право и долг гражданина подчиняться закону при любых формах государственного устройства и обстоятельствах. Отсюда восприятие Дворкиным методологических основ правового позитивизма направлено на его дальнейшую критику. Аргументация Дворкина основывается на его собственной трактовке основных положений правового позитивизма и неопозитивизма Харта:

- *право* – совокупность норм, прямо или косвенно регулирующих человеческое поведение путем запретов и дозволений.

Дворкин отмечает, что «эти правила идентифицируются и различаются с помощью специального критерия, при проверке в соответствии с его содержанием определяющего способ восприятия и совершенствования этих правил» [25, с. 38]. Эти проверки позволяют отличать действительные юридические правила от мнимых правил и иных видов социальных правил («правила морали»), которым общество следует, но не подкрепляет публичной властью.

- *юридические обязанности* перед государством возникают в случае подведения фактической ситуации под действие правовых норм, то есть любому праву соответствует обязанность, но права и обязанности не существуют вне норм.

По словам Дворкина, «утверждать, что кто-то имеет «правовое обязательство» значит говорить, что его случай подпадает под действующее правовое правило, которое требует действовать или воздержаться от действий» [25, с. 38].

- *судейское усмотрение*: если фактическая ситуация не урегулирована предписаниями правовых норм, то правоприменение невозможно и судья действует по собственному усмотрению, создавая более адекватные правовые нормы в судебных прецедентах [25, с. 38; 26, с. 624–628]. Дворкин не учитывает, что помимо данных положений Харт проводит различия между «первичными» и «вторичными» правилами, правовым и неправовым принуждением, предлагая «правила признания» в качестве критерия действительности юридических норм.

Позиция Дворкина направлена на опровержение указанных утверждений. Основание правовой системы составляют не нормы, а фундаментальные принципы и стратегии. То есть правовые стандарты поведения в обществе направлены на достижение определенных коллективных целей («стратегии»), либо выражают моральные требования равенства, справедливости, честности («принципы»). Таким образом, юристы пользуются стандартами, функционирующими не в виде норм, а в качестве принципов, которые соответствуют моральным требованиям справедливости и честности. Дворкин в обоснование своих тезисов ссылается на судебный прецедент «*Riggs v. Palmer*» 1889 г., где решался вопрос, может ли наследник по завещанию получить имущество

наследодателя, если он ранее совершил его убийство. Судьи пришли к выводу, что не может, так как это нарушает правовой принцип недопустимости извлечения выгоды из незаконных действий [24, с. 44].

Кроме того, критериями разграничения «правовых принципов» и «правовых норм» являются:

Юридические последствия: при наличии условий и сформулированных исключений норма автоматически определяет правовое решение; однако принцип не содержит условий применения и исключений, не распространяется на конкретные случаи и лишь *склоняет* должностных лиц к принятию законных решений.

Значение: при коллизии правовых норм учитывается их юридическая сила, при коллизии принципов дается *оценка* их значимости и важности [24, с. 44–51].

На практике же часто наблюдается смешение принципов, стратегий и норм. Например, в первой поправке к Конституции США указано, что Конгресс не должен издавать законы против свободы вероисповедания или законы, ограничивающие свободу слова. Если это принцип, то ограничения свободы слова *могут быть* предусмотрены в правовых нормах с обоснованием коллективной цели (обеспечение безопасности, защита нравственности). Тем самым действие принципа может фактически нарушать правовые нормы и наоборот. Например, нормы о приобретательной давности (приобретение права собственности на найденную вещь, исходя из давности владения) противоречат принципу недопустимости извлечения выгоды из собственных неправомερных действий. В интерпретации Дворкина в случае судебного спора судья оценивает значимость различных принципов, а затем на основе правовых норм принимает решение, обосновывая его ссылками на принципы. Таким образом, из анализа судебной практики следует, что судейская деятельность не является процедурой толкования и применения общих правовых норм к конкретным случаям, а представляет собой «конструктивную интерпретацию» судей конкурирующих правовых принципов, которые не имеют иерархии и позволяют разрешить спор с учетом моральных принципов. Отдельные авторы справедливо указывают на то, что признание Хартом судейского усмотрения позволяет учитывать и роль правовых принципов в судебных решениях [27, с. 11; 28].

Вопрос о существовании юридических обязанностей вне норм рассматривается как проблема обоснования *моральных прав* граждан по отношению к государству. В либеральной конституционной доктрине возможны две позиции: политический *скептицизм* (граждане обладают только юридическими правами, предусмотренными Конституцией) и «разделение компетенции» (признание моральных прав у граждан относится к ведению парламента, принимающего законы, а не судов). Дворкин придерживается морального обоснования, отмечая, что «конституционная теория предполагает определенное решение сложных вопросов институционального устройства, а также вопросов философии политики и морали» [24, с. 167]. В этом смысле гражданам обладают двумя видами моральных прав: 1) право на равное обращение, то есть на равное распределение возможностей, ресурсов и обязанностей; 2) право

на обращение как с равным (равная забота и уважение). И эти права имеют объективный статус, не связанный со спецификой национальных правовых систем. Помимо критики правового неопозитивизма, Дворкин неоднозначно оценивает и идею *естественных прав*, показывая парадоксальность ситуации, когда наличие таких прав не связано с юридическим признанием и процедурой доказывания.

Аргументы против неопозитивистской концепции судейского усмотрения также опираются на идею фундаментальных правовых принципов. У Харта правовые нормы содержат «открытую материю» и частично неопределенны, что расширяет возможности судей решать по собственному усмотрению. Тем самым судья выходит за пределы предписаний законодательства. Чем же он руководствуется?

Дворкин предлагает модель «юридического Геракла» – судьи-философа, который принимает безошибочные и правильные решения. «Геракл» руководствуется правовой традицией, в которой воплощены фундаментальные ценности, а господствующая «политическая теория» позволяет ему осуществить «принципиальную интерпретацию» законов (принять единственно верное решение на основе правовых принципов). Тем самым у Дворкина стирается грань между философией и политико-правовой идеологией. Если Харт считает, что процесс применения правил должен быть политически нейтральным, то Дворкин фактически признает идеологическую нагруженность любого правового решения. «Конструктивная интерпретация» законов возможна лишь на основе политически легитимной правовой традиции, в данном случае «американского неоллиберализма» с активной ролью Верховного суда США в толковании Конституции и в реальной политике. Таким образом, в концепции Дворкина возрождается реалистический подход к проблеме правопонимания. Естественные (моральные) права на основе норм Конституции становятся юридическими правами, а их реальное обеспечение осуществляется судебной системой.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Дидикин А. Б. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция : [моногр.] / А. Б. Дидикин, В. В. Оглезнев. – Новосибирск : Изд-во НИУ НГУ, 2012. – 200 с.
2. Оглезнев В. В. Г. Харт и формирование аналитической философии права : [моногр.] / В. В. Оглезнев. – Томск : Изд-во НИУ ТГУ, 2012. – 216 с.
3. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права на рубеже веков: от реализма к натурализации / А. Б. Дидикин // Антропология права: философський та юридичний виміри. Стан, проблеми, перспективи. – Львів, 2008.
4. Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: модели объяснения и способы юридического обоснования // Антропология права: философський та юридичний виміри (стан, проблеми, перспективи) : зб. ст. учасників міжнар. круглого столу (Львів, 3-5 груд. 2010 р.). – Львів : Галицький друкар, 2010.
5. Дидикин А. Б. Модели объяснения в философии права: аналитический подход / А. Б. Дидикин // Другі конституційні читання : зб. тез наук. доп., повідомл., присвяч. пам'яті акад. права Ю. М. Тодики. – Х., 2009.

6. Дідікін А. Б. Модель правового тлумачення у нормативізмі Г. Кельзена / А. Б. Дідікін // Закарпатські правові читання : матеріали III Всеукр. наук.-практ. конф. – Т. 1. – Ужгород, 2011.
7. Bix B. Natural Law Theory: The Modern Tradition / B. Bix // Handbook of Jurisprudence and Legal Philosophy. – Oxford, 2000.
8. Dworkin R. The Elusive Morality of Law // Villanova Law Review. – 1965. – Vol. 10; Cohen M. Law, Morality and Purpose // Villanova Law Review. – 1965. – Vol. 10; Lyons D. The Internal Morality of Law // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1970; Schauer F. Fuller's Internal Point of View // Law and Philosophy. – 1994. – Vol. 13; Nicholson P. The Internal Morality of Law: Fuller and His Critics // Ethics. – 1974. – Vol. 84; Paulson S. L. Lon L. Fuller, Gustav Radbruch and the 'Positivist' Theses' // Law and Philosophy. – 1994. – Vol. 13; Waldron J. Why Law – Efficacy, Freedom or Fidelity? // Law and Philosophy. – 1994. – Vol. 13; Himma K.E. Functionalism and Legal Theory: the Hart-Fuller Debate Revisited? // De Philosophia. – 1998. – Vol. 14.
9. Coleman J. The Practice of Principle. / J. Coleman. – Oxford: Oxford University Press, 2001.
10. Winston K. L. The Principles of Social Order: Selected essays of Lon L. Fuller. Durham: Duke University Press, 1981; переиздано Oxford: Hart Publishing, 2001.
11. Фуллер Л. Л. Позитивизм и верность праву: Ответ профессору Харту / Л. Л. Фуллер // Правоведение. – 2005. – № 6.
12. Фуллер Л. Л. Мораль права / Л. Л. Фуллер. – М., 2007.
13. Fuller L. L. Human purpose and Natural law / L. L. Fuller // The Journal of Philosophy. – 1956. – Vol. 53. – No. 22.
14. Fuller L. L. Human purpose and Natural law / L. L. Fuller // The Journal of Philosophy. – 1956. – Vol. 53. – No. 22.
15. Strahan T. W. The Natural Law Philosophy of Lon L. Fuller in contrast to Roe v. Wade and Its Progeny / T. W. Strahan // Life and Learning. Proceedings of UFL Conference. Villanova University. – 2001. – № 11.
16. Nicholson P. P. The Internal Morality of Law: Fuller and His Critics / P. P. Nicholson // Ethics. – 1974. – Vol. 84. – No. 4.
17. Дідікін А. Б. Методологія практичної раціональності і метафізика загального блага у філософії права Дж. Фінніса / А. Б. Дідікін // Філософські, методологічні та психологічні проблеми права : матеріали II Всеукр. наук.-теорет. конф. – К., 2009.
18. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / Дж. Финнис – М. : ИРИСЭН ; Мысль, 2012. – 554 с.
19. Finnis J. Natural law and Natural rights / J. Finnis. – New York : Oxford, 1980.
20. Murphy M. C. The Common Good / M. C. Murphy // The Review of Metaphysics. – 2005. – Vol. 59. – No. 1.
21. Finnis J. The Truth in Legal Positivism / J. Finnis // The Autonomy of Law. Essays on Legal Positivism. – Oxford, 1999.
22. Finnis J. Natural law and Legal reasoning / J. Finnis // Natural law theory. Contemporary essays. – Oxford, 1994.
23. Дворкин Р. Справедливость и права / Р. Дворкин // Отечественные записки. – 2003. – № 2.
24. Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – М., 2004.

25. Dworkin R. Is Law a System of Rules? / R. Dworkin // Philosophy of Law. Edited by R. Dworkin. – Oxford, 1977.

26. Dworkin R. Judicial Discretion / R. Dworkin // Journal of Philosophy. – 1963. – Vol. 60. – No. 21. – P. 624–638.

27. Leiter B. Beyond the Hart/Dworkin Debate: The Methodology Problem in Jurisprudence / B. Leiter // American Journal of Jurisprudence. – 2003. – Vol. 48.

28. Leiter B. The End of Empire: Dworkin and Jurisprudence in the 21st Century / B. Leiter // Public Law and Legal Theory. Working Papers. Sept. – 2004. – No. 70.